

ских памятников, – в рамках вопроса о сути, которая объединяет эти источники для понимания феномена человека [5].

Тем не менее, применение когнитивных методологий сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, это недоверие научного сообщества, воспитанного на классических подходах, несмотря на небывалый взлет когнитивных наук за последние 10–15 лет. Другой проблемой, выходящей «оборотной стороной медали», является само опрометчивое и заносчивое желание когнитивных методологий выглядеть новым универсальным подходом, способным дать ответы на все вопросы, причем ответы точные, сопоставимые с решениями в точных науках, хотя очевидно, что сложно ожидать точного, однозначно интерпретируемого и четко верифицируемого ответа, если материалы для анализа (в нашем случае – исторические источники) представляют собой неоднозначные и неточные артефакты, зачастую со спорными характеристиками. Другими словами, когнитивные науки зачастую претендуют на однозначность и верифицируемость, однако де-факто остаются в руках исследователей зависимыми от субъективизма последних: квалификации, мотивации, сферы интересов и т.д.

Однако, при всех возникающих вопросах применение когнитивных методологий оказывается перспективным. Одной из важнейших характеристик является то, что когнитивная наука позволяет выйти из инертного состояния, порожденного постмодернистским солипсизмом [9]. Когнитивизм позволяет получить результаты, которые невозможно получить прите применении других методологий. Это делает саму когнитивную методологию допустимой и обоснованной. Только не следует впадать в крайности в отношении потенциальных результатов исследований: поле применения любой методологии и науки имеет свои границы.

1. Ивонина, О.И. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX в. : дисс. ... док-ра ист. наук / О.И. Ивонина. – Томск, 2001. – 365 с.
2. Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. – Томск : Изд-во Томского университета, 2000. – 230 с.
3. Лукьянов, Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании / Д.В. Лукьянов // Будущее нашего прошлого: материалы Всерос. науч. конф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – С. 179–193.
4. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
5. Медушевская, О.М. Теория исторического познания : избранные произведения. / сост. И.Л. Беленький. – СПб.: Университетская книга, 2010. – 572 с.
6. Сабенникова, И.В. О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории / И.В. Сабенникова. // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 177–179.
7. Хазанов, О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций / О.В. Хазанов. – Saarbrücken : LAP Lambert, 2011. – 228 с.
8. Ketola, K. The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma / K. Ketola. – Leiden & Boston : Brill, 2008. – XIII, 234 p.
9. Sørensen, J. Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion / J. Sørensen // Numen. – Vol. 52(2005). – P. 465–494.

Харитонов А.М.
НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Современная историческая география по классификации исторической науки не имеет прямого отношения к географии. Это всего лишь вспомогательная историческая дисциплина, подобно источниковедению. Этот факт вызвал удивление у обратившего на данный нонсенс внимание географии В.П. Максаковского [3]. Ведь в современной географической науке историческая география занимает весьма значимое место на стыке истории и географии.

Скромная роль исторической географии в исторических исследованиях подчеркивается тем, что ею сплошь и рядом занимаются исследователи даже без профессионального географического образования. Но разве может простой переводчик, пусть и с ученой степенью кандидата или доктора наук, учесть все географические тонкости в изучаемом источнике?

Вот Историк пытается найти некий пункт, упомянутый в клинописных табличках. Он самым добросовестным образом переводит данное географическое название на современные языки с помощью методов компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). Выяснив примерное наименование поселения сегодня, Историк отождествляет его с современным насе-

ленным пунктом и наносит на историческую карту. На этом свое исследование он считает полностью завершенным.

С нашей географической точки зрения он выполнил только начальную стадию работы. Ведь никем не доказано, что это единственное сохранившееся географическое название так и было единственным в истории. А если подобных названий было несколько, а уцелело далеко не первое и на совершенно ином месте?

Подобный перенос географических названий с места на место вместе с перемещением отдельных племен и народов вообще не учитывается должным образом. Только сегодня начали появляться работы, которые по «дрейфу» географических названий пытаются определить пути расселения наших предков. Пока подобная работа проведена только на примере славянских и отчасти тюркских народов [см. 1], да к тому же еще и химиком по образованию, но она явно требует рассмотрения и на примерах других племен и народов древности и средних веков.

Не умея найти и не желая привлекать специалистов-географов к решению географических проблем в изучении исторических источников, специалисты-историки частенько допускают грубые географические ошибки, вину за которые тут же перекалывают на географов, стоит попытаться привлечь к этому внимание. Похоже, что и сами географы излишне доверяют «взгляду из мышиной норы» в сочетании с геополитическими вывертами, которые позволяют себе в трактовке исторической географии историки.

Результатом подобного положения вещей является то, что историческая география Древней Руси в комментариях к одновременным арабским и скандинавским историко-географическим источникам не стыкуется на одной определенной территории. А ведь издревле география является единой наукой.

Проблема в том, что означенные источники изучали две различные группы специалистов – историки и востоковеды, которые не позаботились о том, чтобы их позиция совпадала с точки зрения средневековой географической науки. А ведь не столь уж и трудно заметить, что скандинавский Хольмгард (Новгород русских летописей) без труда можно превратить в «остров русов» арабской космографии. Ведь скандинавское «хольм» - «остров», а Гарды (явно из Орда) – Русь. И различного рода трудности трактовки лингвистического характера, которые при этом могут возникнуть, легко списать на «народную этимологию» при подобном переводе.

Но первые сомнения в правильности современных исторических представлений о древнерусской географии появились у автора в связи с размышлениями о летописной версии смерти князя Олега. Первый же «детский» вопрос: а какого биологического вида была змея, отправившая воителя прямоком на тот свет, привел к парадоксальному результату. Действительно, во всей современной континентальной Европе не отыскать змеи, которая могла бы в одночасье погубить своим укусом взрослого мужчину. Такие змеи (гюрза) водятся только в современном Закавказье.

Здесь гадюки способствовали немалому числу смертей среди местного населения еще согласно сведениям энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Но вряд ли это были местные кавказские гадюки, которые ядовиты не более чем степная и обыкновенная гадюки, водящиеся на Русской равнине. Скорее это была именно гюрза, которую также относят к представителям гадючьего семейства. А вот от укусов современных европейских гадюк может погибнуть разве что брошенный без присмотра нерадивыми родителями малолетний ребенок, да и то для этого требуется укус в лицо.

Во времена же Древней Руси вполне допустимо, что гюрза водилась и на Северном Кавказе в связи с общим потеплением климата. К этому периоду относится начало колонизации сравнительно теплой тогда Гренландии. Но если легенда о смерти босоногого князя (а иначе никакая змея кожаную обувь не прокусит) все же правдива, то отсюда уже недалеко до вывода, что Олег был скорее князем Тмутараканским, чем Киевским. А ведь его держава на современных исторических картах простиралась лишь от Киева до Великого Новгорода.

Подобных «ляпов» в исторической географии обнаруживается не так уж и мало. Как-то автору понадобилось уточнить местонахождение Окса и Яксарта в античности. Эти реки, за которые историки раз и навсегда приняли Амударью и Сырдарью, должны были бы быть хорошо известны античной географии еще со времен походов Александра Великого. Представьте наше удивление, когда в «географической энциклопедии античности» [4] не оказалось ничего конкретного о территории Средней Азии.

При этом реконструируемые современными историками «мировые» античные карты показали полное отсутствие географических представлений греков о территориях, лежащих к северу от Тавра (примерно южные границы бывшего СССР) [см. 2], а значит Окс и Яксарт следует ис-

коть к юго-востоку от Каспия на территории современных Ирана и Афганистана. Да и впадал Яксарт в Каспийское море по утверждению ряда источников.

Поиск здесь нужных рек облегчается тем, что если исключить мелкие реки, впадающие в Каспийское море, внутренние водоемы и Индийский океан, то крупных рек остается ... две (Мургаб и Теджен)! Из этого и следовало исходить в попытках найти привязку для других сопутствующих этим рекам топонимов. Но историки XVIII-XIX веков и подумать не могли, что эти грязные ручейки когда-то представляли реки в 7 стадий ширины (почти 1,5 км), но были разобраны на орошение, как и современные реки Средней Азии [см. 6].

На деле же возобладала тенденция увязки Окса с Яксартом с реками Средней Азии, что порождает массу различного рода противоречий в исторических и востоковедческих исследованиях [см. 5].

Также многие географы и историки уже давно определили Гиперборейские горы в разряд мифических географических объектов древности и средних веков. С пометкой миф. (т.е. мифические) это имя встречается, например, в тех же «Очерках по истории географических открытий» [2]. В то же время Рифейские горы античности чаще всего отождествляют с современными горами Урал. Впрочем, имеются довольно многочисленные попытки отождествления гор Гиперборей с современными Скандинавскими горами, а Рифейские горы отодвигают вплоть до Северных Увалов.

Однако предлагаемые для отождествления с Рифейскими и Гиперборейскими горами современные географические объекты не были известны античной и средневековой географии. Если эти горы действительно связывать с реальными топонимами, то размещаться они должны на территории Ойкумены (обитаемой части земли по представлениям географов того времени).

Складывается впечатление, что Гиперборейские и Рифейские горы античности представляют из себя какие-то современные западные и центральные хребты Большого Кавказа. Только здесь и могли наблюдаться природные явления, свойственные высокогорью, описываемые географическими сочинениями для Европы и Азии. Более того, представляется, что античные географы называли Кавказом не весь современный Кавказ, а только ту его часть, что мы сегодня именуем Малым Кавказом. Не помещалась ли первоначальная Скифия, откуда скифов и вытеснили за реку Дон сарматы, на месте степей между этими двумя частями современного Кавказа?

Подобные попытки втянуть в историческую орбиту как можно раньше определенные территории чаще всего вызываются геополитическими амбициями. При этом полностью отменяются общегеографические работы античности и средних веков, противоречащие данным усилиям. Ведь «пустое» место на стыке истории и географии на самом деле таковым не является.

Но что же тогда за наука заняла законное место исторической географии, отнесенной на периферию исторической науки историками? По нашему мнению это место с комфортом заняла геополитика. Не потому ли историки и не заинтересованы, чтобы современная география осуществила комплексную проверку их географических представлений с помощью общегеографических сведений античности и средних веков?

Впрочем, спасибо историкам-переводчикам. Всячески пороча и принижая географию древности, они поспособствовали интересу автора данной работы к выявляемым ими противоречиям. Большинство этих противоречий оказалось связано с узкими географическими взглядами историков.

Ведь если на средневековой карте Северной Африки появляется надпись Скифия, то надо не спешить обвинять географию в полной несостоятельности, а искать причину этого появления. А она в наличии здесь некогда Алано-вандальского королевства. А уж аланы - сарматы точно были жителями Скифии до своего прихода на эти территории. Более того, известный из средневековых арабских сочинений город Алжира Аннаба вполне может быть тезкой российской Анапы, что может дать дополнительный материал к изучению этимологии данных объектов топонимики.

Каковы же выводы из нашей работы? Для создания непротиворечивой исторической географии и истории Древней Руси необходимо искать ее границы ближе к Причерноморью, территория которого только и была известна географической науке античности и ранних средних веков.

При этом историкам необходимо перестать обвинять географию и географов в собственных историко-географических ошибках, а постараться понять истоки их возникновения в исторической среде и вывести историческую географию из числа «вспомогательных» исторических дисциплин.

В изучении же языка первоисточников требуется искать альтернативу сравнительно-историческому языкознанию в пользу теории взаимопроникновения и взаимодействия языков

между собой в форме языковых союзов, создания креольских языков и пиджинов в противовес теории моногенеза, которая на первое место ставит распад некогда единого праязыка.

Это очень нелегкая задача, т.к. массовые стереотипы исторических схем в отечественной истории вдалбливаются нам еще со школьной скамьи и усиливаются многолетней политической пропагандой. Поэтому тому, кто хотя бы попытается пойти по предлагаемому нами пути ждет весьма тяжелая и неблагодарная задача искоренения сложившихся за несколько столетий стереотипов в истории и географии России и приведении их в соответствие с современными достижениями географической науки.

1. Курбатов, В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.) / В.А. Курбатов. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. – 382 с.
2. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. Т.1. Географические открытия народов Древнего мира и средневековья (до плаваний Колумба) / И.П. Магидович, В.И. Магидович. – М.: Просвещение, 1982. – 288 с.
3. Максаковский, В.П. Историческая география мира / В.П. Максаковский. – М.: Экопрос, 1997. – 584 с.
4. Страбон. География / Страбон. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
5. Харитонов, А.М. Исторический источник и историческая наука: диалектика взаимодействия на примере исторической географии / А.М. Харитонов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 310–313.
6. Харитонов, А.М. О диалектике взаимодействия географии исторического источника и современной исторической науки (взгляд географа) / А.М. Харитонов // Карповские чтения. – Арзамас, 2016. – С. 109–118.

Цыб С.В., Чичинов В.А. **ДАТИРОВАНИЕ НАЧАЛА МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ** **В ВЕНГЕРСКОЕ КОРОЛЕВСТВО**

В данный период в российской историографии монгольского нашествия наблюдается новый всплеск исследовательской активности, так особое внимание исследователей сейчас приковано к изучению покорения Киева, Галиции и Волыни [13, с. 52–55; 12, с. 83–89]. Датирование покорений городов является трудной задачей, так как хронологических элементов в текстах русских летописей довольно мало, а те немногочисленные известия, имеющие точную хронологическую привязку, отличаются довольно спорным происхождением. Здесь же стоит отметить, что и в персидском тексте Рашид ад-Дина сведения о заднепровской экспансии имеют довольно пространственные хронологические рамки. Большая часть работ представляет из себя интерпретацию событий, произошедших в Галиции и на Волыни согласно текстам Рашид ад-Дина [8, с. 169–178]. Вопросы о подходах к изучению хронологии рассматривают лишь историографы, которые обобщают опыт изучения хронологических показаний, в основном, на примере нерешенности вопроса о датировании взятия Киева [5; 9]. Так же, стоит отметить, что существует интерес к исследованию датирования монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь [4]. Авторами были предприняты попытки поиска зарубежных исследований, затрагивающих изучение хронологии вторжения монголов в Венгрию, но таковые обнаружить не удалось. В целом стоит отметить, что монгольскому нашествию на европейские королевства было уделено большое внимание в XIX в., а так же был всплеск интереса в XX в. [6].

Несмотря на то, что хронология монгольского вторжения в европейские королевства является, в целом, изученной, но при детальном рассмотрении можно разглядеть определенные этапы монгольской экспансии, которые не имеют хронологической привязки. Так, например, русские летописи содержат единственное известие из всей монгольской кампании в Венгрии, это известие о битве на р. Солоной, но его описание не содержит какой-либо хронологической привязки [10, с. 178]. В равной степени вместе с русскими летописями невозможно опереться на летопись Рашид ад-Дина, в которой разорение венгерского королевства вместе с покорением Южной Руси, причем известия помещены под одним годом, а именно под 1239 г. [11, с. 44–45]. Вместе с персидскими и русскими летописями, никакой критики не выдерживают некоторые зарубежные источники, так например, *Анналы краковских мансионариев*, в которых указано, что покорение Венгрии произошло в 1239 г.: «В лето Господне 1239 татарский народ, разделившись на две части, столкнувшись с венгерским королем, победил венгров и убил брата короля – Коломана. Король на корабле ушел за море, после чего татары опустошили Моравию, Силезию, Вроцлавскую и Краковскую земли и через земли Серадза, Сандомира, Руси и Подолии...» [2]. Данное известие содержит в себе события происходившие на протяжении четырех лет, причем последовательность событий нарушена, так как Русь, Подолье, Сандомир, и другие территории пострадали от монгольских войск раньше, чем венгерский король «ушел за море».